

Татьяна Штаб

Маленькая проза

рассказы

Татьяна Штаб

Маленькая проза. рассказы

«Издательские решения»

Штаб Т.

Маленькая проза. рассказы / Т. Штаб — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748461-3

Первая строка, как первая любовь, еще не судьба. Моими героями становятся люди — мои современники, само общество, Время, с его надеждами и чаяниями, с его болями и радостями. Меня влечет туда, где трудно и страшно, где радостно и светло, и стало легче на душе, когда увидела здесь тех, о ком хотела рассказать.

ISBN 978-5-44-748461-3

© Штаб Т.
© Издательские решения

Содержание

Похороны, или Банька по-черному	6
Логарифмическая линейка	8
Часики	10
Валенки	12
День дурака	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Маленькая проза
рассказы
Татьяна Штаб

© Татьяна Штаб, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Похороны, или Банька по-черному

В соседнем подъезде дома похороны. Умер Федор Силачев. Мужик пожилой – по тем меркам, что в селе механизаторы обычно дотягивают до шестидесяти. Как ни как, семьдесят шесть. « Дай бог каждому», – констатируют старухи у гроба.

Пришла проводить в последний путь к выносу, и сразу замелькали картинки из жизни мало знакомого человека: вот сидит Федор на лавочке возле дома, угрюмый и невеселый, с округлившимся животом, на котором покоятся натруженные тяжелой работой руки. А по молодости-то был ого-го! У баб одиноких нарасхват. Но прижился он у Валентины, красивой бухгалтерши, которая забрала Федора к себе в благоустроенную однокомнатную квартиру, и Валина Любашка стала ему как дочь. В былые годы Федор был балагур, любил байки травить, кода комбайнеры собирались на полевом стане во время короткого отдыха, не прочь был поддеть кого-нибудь для общего смеха, часто подтрунивал над бабенками, которые садились с термосами от него подальше. Да и внешне он был похож на Жванецкого, и когда все каталось со смеху, был невозмутим.

Если дородная бригадная повариха Татьяна, к примеру, раздавала мужикам пироги с ливером, с крупную ладонь, пышные и зажаристые, Федор брал два, складывал их площмя, говорил: « С натуры», – и отходил, а мужики уже давились и ржали, как жеребцы, и раскрасневшая от жара Татьяна напрасно пыталась достать Федора половником :

– Да че б ты понимал! Я даже лосиные губы готовила для делегации! – кричала повариха, отстаивая свои кулинарные способности.

– Дык и я про губы, – парировал Федор, а смех грохотал все сильнее.

И вот в один из страдных поздних вечеров с Федором приключился казус по приезде домой, о котором он сам поведал своим товарищам... Осенний вечер был тусклым и промозглым, ветер швырял мелким, противным дождем, и Валентина пораньше истопила баньку по-черному (жили они с Федором тогда еще в плотниковском домишке на самой окраине) – знала, что косовицу бросят пораньше. А в это время беспутный алкаш Ванька Меклер рыскал по селу в поисках – чем поживиться, самогонки ему в долг не давали, жрать хотелось, и замерз, как собака. В те времена живности было в каждом дворе, и Ваньке не стоило большого труда спереть молодого гуся. Спереть-то спер, а куда с ним деться? ... К Силачевым – в баню. Устроился Ванька на полке, отогрелся сначала, собрался за дело приняться, благо кипяток под рукой. Да не подумал, что люди еще не мылись, хоть и темно, а время-то раннее. А в это время Валя выпроваживала в баню Федора с веничком березовым и чистыми кальсонами. Заходит Федор в баню и обомлел... на полке гусь белый и молвит ему человеческим голосом: « Здравствуй, Федя» ... « Здравствуй, тега», – ответил Федор на приветствие гусака, и почувствовал опускающуюся тяжесть в исподних. Где было знать хозяину, что это приветствует его начисто перепуганный Ванька, застуканный на месте преступления – с улицы в бане хоть глаз коли.

А между тем Валентина сновала от печки к столу: резала ломти от домашней круглой булки, поливала постным маслом капусту с кружками лука и законную рюмочку налила – все, как Федя любит, осталось только щец налить, но это попозже, а то простынут.

Что-то долгонько нет Федора. У Валентины вдруг екнуло что-то внутри: ни к Маруське – ли – Пузырихе сбежал как в позапрошлый год?! Выскочила во двор – в бане живым не пахнет, и помчалась, не разбирая тропинки по крапиве и лебеде к Маруськиному дому. Вот и окошко незашторенное. Дух перевела, заглянуть боится. Осмелилась, посмотрела... Тьфу! За столом Ванька Меклер сидит, самогоночкой угощается. Побрела назад, а тревога не отпускает. И вдруг слышит: кто-то всхлипывает так жалобно – из бани, кажись. Подходит со страхом.

Двери в баню распахнуты, теплом не пахнуло —давно прогрели в каменке угли, а на пороге Федор сидит...

Утром про этот случай уже знала вся деревня. Видно, Ванька, перепугавшийся не меньше, Федора, пожаловался Маруське. А Маруську хлебом не корми, только бы посплетничать, более того – показать свой козырь, что мужики ее не обходят стороной.

Когда Федор приехал на бригаду, сразу понял, что мужики в курсе и как-то напряженно молчали. И только в обед обстановка разрядилась.

Подойдя к раздаточному окну присмиривший балагур приветливо произнес :

– Здравствуй, Таня.

И тут Татьяна, решив отыгаться за прошлые обиды, картинно подперев свои выпуклые бока, громко выкрикнула ответное приветствие :

– Здравствуй, Тега! Портки-то поменял?

После этого случая Федор стал каким-то другим, присмирел что ли. Налево больше не ходил, остальные годы с Валею душа в душу прожил... и вот хоронят Федора. Был человек и нет, а байка о нем останется.

Логарифмическая линейка

Я всегда ждала ее, любимую бабу Дусю, а она появлялась как-то внезапно со связкой баранок на шее, с полотняным мешочком любимых «Батончиков», с химической завивкой на начинающей седеющей голове, с толстоватым носом, всегда покрыты бисеринками пота, делавшим ее лицо веселым, даже немного смешным.

Самыми радостными для меня были дни, когда баба Дуся соглашалась взять меня погостить в город. Она жила в коммуналке в доме барачного типа на четвертом этаже вместе со своей матерью Поленькой и взрослой дочкой Тамарой. Эта городская квартира казалась мне хоромами, хотя представляла собой одну комнату с углом, отгороженным ширмой под кухню. Я любила наблюдать за городом из распахнутого окна с неизмеримой, как мне казалось, высоты: за спешащими куда-то людьми, за вереницами машин и с шумом проходящими трамваями.

Баба Дуся работала на заводе, старуха исчезала на целый день, Тамара уходила на службу. Вечера я ждала с нетерпением, потому что с возвращением бабы Дуси дом оживал, и сразу материализовались все члены семьи. Баба Дуся, потому как стояла летняя жара и в доме не было мужчин, расхаживала по комнате в розовых панталонах, дымя неизменной «беломоринной», что-то весело рассказывала и одновременно накрывала на круглый стол. Я заранее знала, что будет обязательно чай с лимоном и шоколадное масло (от нашей Зорьки такое не получалось).

Когда наступал момент моих проводов домой – а отправляли меня попутным рейсом или с кем-то из знакомых – баба Дуся начинала собирать подарки. Это были Тамарины платья, почти новые и модные, для моих старших сестер, брюки для Шуруньки, моего отца (Поленька была хорошей портнихой) и много всякой другой всячины. Мне как-то подарили даже ручные часы с браслетом, кругленькие – «Чайка», но после, когда я уже училась в 8 классе. Это сейчас часы – предмет ежедневной необходимости. В то, далекое время – это была роскошь, мало кому доступная, тем более в юном возрасте. Это как мобильник для нынешней третьеклашки!

...И вот основной подарок – логарифмическая линейка для старшего брата. Я не знала, что это такое и никогда не видела этот предмет. Передо мной лежала продолговатая коробочка серой «кожи», которую велено было бережно доставить по назначению. Уже в пути, сгорая от любопытства, коробочку я все-таки открыла. То, что я увидела, меня не поразило никак. Меня поразил запах, который я сразу ощутила – не запах кожи, дерева, пыли или стекла, а какой-то незнакомый, сладкий и мягкий, даже вкусный аромат. Математический прибор источать его просто не мог!

Когда я приходила из школы (а приходила я раньше старших), еще не сняв форму, я открывала заветную коробочку и вдыхала аромат «линейки».

Прошло много лет. Однажды в наш сельский продмаг завезли бананы. До этого в деревне никто не видел этого фрукта. Отстояв очередь, купила и я связочку невзрачных серо-зеленых некрупных плодов (они явно были незрелые), ничем особо не пахнущих. А купила, потому что все покупали то, что привозили в магазин. К тому же в очереди получила совет: положить их к батарее – дозреть. И вот, когда наступил день отведать экзотического фрукта, я сняла побуревшую кожицу и ощутила запах... логарифмической линейки! Я не могла поверить, что наконец-то мне открылся секрет того аромата из детства. Я не знаю, где баба Дуся достала линейку (именно достала!), быть может, ее везли издалека в коробке с бананами, но запах был именно тот, неповторимый, преследующий меня долгие годы. Теперь я очень люблю бананы. Это мой любимый фрукт с запахом логарифмической линейки, с запахом детства, возвращающим меня к воспоминаниям о любимой бабе Дусе, которой давно нет, как нет и Поленьки и Тамары.

Я храню память о дорогих людях, которых считала самыми близкими своими родными. Но уже будучи взрослой, узнала, что родства между нами не было.

Еще во время коллективизации Поленьку сослали в сибирскую деревню, и она подружилась с моей бабушкой, по отцу, Валею. Баба Дуся подружилась с моим отцом и тетей Клавой (вместе работали в войну на лесозаготовке), Тамара позже стала дружить с моей старшей сестрой... Вот такие сложились отношения на долгие годы – годы преданной дружбы. Так могли относиться друг к другу люди, пережившие все лихолетье, не растеряв доброты, уважения и просто человеческого тепла, всегда готовые поддержать друг друга в трудное время. Эти люди навсегда останутся для меня самыми родными, пусть не кровными, но дорогими моему сердцу.

Старший внук как-то спросил :

– Ба..., почему ты бананы любишь?

– Потому что пахнут они логарифмической линейкой, – ответила Тимке, и не было предела его недоумению, – да и линейки такой он никогда не видел.

Часики

Катюшка весело бежала возле идущей торопливым шагом матери. Хоть и боялась отстать, нет-нет да отбежит: то гроздочку боярки спелой схватит и не уколется, то за бабочкой погонится, зная, что не поймает, то какое-нибудь стеклышко подберет (вдруг цветное – стеклышки все девчонки собирают, чем рисунка больше, тем ценнее). Она всегда радовалась, когда мама разрешала ей пойти с ней на работу. А сегодня особенно, потому что Катюшке, наконец-то, купили часики, игрушечные с браслетиком, только стрелочки разом вертятся – и большая и маленькая, когда заводилочку крутишь. А так, как настоящие, как мамины! Мама опаздывать не любит – вот и поглядывает на часы. Как только она руку поднимает, чтобы время глянуть, так и Катюшка ее копирует – на свои часики смотрит. Вот придут они, а тетя Эльза с тетей Зиной будут часиками восхищаться и у нее время спрашивать. Но Катюшка-то уже большая, понимает, что они шутят.

Мама работала птичницей на птицеферме. Катюшке было непонятно, почему ферма – на ферме. Вот когда у Верки спрашивают, где ее мама работает, она же не говорит: «на телеферме», а просто – «телятницей на ферме».

Спустя много лет она разберется, чем отличается ферма и от фирмы, когда хозяйство на ее родной земле пройдет долгий путь от колхоза «Большевик» через Агروفирму «Племзавод «Ирмень» до современного, знаменитого на всю Россию, ЗАО «Ирмень», производящего самого высокого качества молоко, йогурты, сметану и даже кумыс, колбасные и хлебобулочные изделия.

А пока ее поражала эта самая птицеферма – огромное помещение базового типа на окраине села, у самого леса. Места здесь красивые, тихие, воздух чистый, хоть пей, травы Катюшке по шейку. Мама всегда опасалась, что Катюшка заблудится в этих травах, собирая цветы или ягоды.

Видно, курочкам и нужны такие места – привольные. Это зимой они содержатся в помещении в просторных клетках-вольерах, где им корм раздают, где они водичку пьют из автопоилок. Берешь обыкновенную банку с водой и переворачиваешь на пластмассовое блюдечко с желобком – вот они и пьют, а из банки столько выльется, сколько курочка выпьет, и не прольется ни капельки. Кормежка – самый интересный процесс: засунет Катюшка руку в большую кучу пшена в тамбурке, а там тепло, как в печке. Птичницы специальную мешанку курочкам готовят, со жмыхом и рыбьим жиром. Катюшка этот жмых, твердый и коричневый, сколько раз грызла, пока мама не видит. Нет, не кормежка самое интересное, а сбор яиц все-таки. Катятся они по транспортерной ленте бесчисленно, только успевай – подхватывай, и Катюшка хватает, торопится – все маме помощь! Бывало, раздавит одно невзначай, но ее не ругали. Нет, опять Катюшка поторопилась про главное сказать. Главное – это все же цыплятки. Которые только из инкубатора, сидят в ящиках бордового цвета, размером с телевизор, и в каждом ящике ровно столько круглых дырочек-отверстий, сколько цыпущек в «сундуке». А еще лучше, когда им неделька исполнится. Стребутся они в большую пушистую желтую кучу и греются под брудерными лампами с зеркалами на пахнущих новым годом опилках, лапки потягивают, одно крылышко в сторону, как зарядку делают. А в это время мама и другие птичницы рубят им большими ножами крутые яйца, только шум стоит, и опять же с пшеном мешают. Как появятся с тазиками еды, цыплячья куча на глазах разваливается, и такой писк стоит, хоть уши затыкай...

Управились. Когда мама мыла руки, часы свои снимала, не дай Бог, вода попадет, точно так и Катюшка сделала – свои часики сняла, положила на краешек желобка, по которому водичка бежит, чистая, как родничок. Сейчас они поужинают. Еда здесь вкусней, чем дома. Кофе из цикория с молоком, с комковым сахаром вприкуску, яички, конечно, да еще, чем Бог

послал – это значит: кто что из дома принес. Тетя Эльза с тетей Зиной домой уйдут, а Катюшка с мамой останутся в ночную – так по графику, потому и не отстала она сегодня от матери, с ней маме не так страшно будет. Хотя кроме их еще есть кочегар, дядя Саня Малинин и сторож – не знает как звать. Ночью за курочками лисы приходят, несколько раз утаскивали, а если сторож успеет пальнуть, лиса бросит раненую курочку и была такова.

Вот и ночь. Глухо загрохотало вдали. Видно, гроза будет. А если гроза, то еще страшней.

– Ложись, Катюша, поздно уже (это мама специально, чтоб Катюшка до грозы уснула, не боялась), – сказала мама и на часы посмотрела.

Привычным движением задрала рукавок, по-маминому,.. а часиков-то нет! Забыла у желобка. Тут не до грозы. Побежали они по длинной галерее птичника к тому месту, где руки мыли, молнии уже полнеба освещают – светлее, но совсем страшно. Вот и «родничок»...нет часиков. Не лиса ж их стащила! А кто тогда? Не могла мама ответить на Катюшкин вопрос. А она почему-то подумала: кочегар, лысый он и грязный, кочегар он и есть кочегар, и на кощю смахивает.

Катюшка не могла заснуть – часики жалко. Наверное, у него внушка есть – думала Катюшка про себя. А мама гладила ее по голове и говорила :

– Я тебе с полочки новые куплю, лучше, чем были.

Валенки

В ту осень наших парней забирали в Армию каждый день. С нашей Советской улицы – 8 человек. Каждый день мы шли к кому-нибудь на проводы. Устали. Учились в 10 классе. Сами понимаете, что это значит. А моя подружка Людка – в Бердске в техникуме. Естественно, приехала и она провожать своего любимого Петю. Казалось, любовь у них была необыкновенная. Людка ревела белугой, как будто на фронт провожала. Мы, подружки, как могли, утешали.

Закончились ноябрьские праздники: все улеглось, успокоилось. Люда уехала. Вскоре от солдат стали пачками приходить письма. Из Березняков, Немчиновки, Алейска... Я не успевала бегать к почтовому ящику – писали все: Ляба, Слон, Чомба, Сова. Все для меня одинаково были друзьями. Лишь подругу заваливал письмами только Петька. А Людка все чаще, на удивление нам, стала приезжать модная: то в шапочке, вязанной петлями наизнанку, то в юбке с разрезом по самое не хочу...

Незаметно пролетели два года. Мы повзрослели, и теперь уже не успевали встречать наших защитников Отечества. Вернулся и Петька, мой сосед, да и жених подружкин – почти родня. Побыл со своими старыми родителями и отправился к Людмиле с предложением руки и сердца – так и сказал мне.

Нескоро отыскал сельский парень в незнакомом городе свою возлюбленную. Новосибирск-то нам ближе, роднее. Зашел в здание Радиотехникума, стал девчонок спрашивать, те быстро сообразили – и Людку искать.

– Там тебя мужик какой-то – деревня спрашивает! – и ржут...

В конце ноября морозы стояли под 30. Петька был в видавшем виды зимнем пальто и... в валенках, черных катанках с отворотами. Люда встретила его смущенно и холодно, застенялась его видом перед подружками-модницами.

Любовь у подруги к парню пропала, и Петька, конечно, понял это при встрече. Да и была ли это Любовь, заливаемая слезами два года назад, если ее зачеркнули простые деревенские валенки?!

Прошел еще год. Люда по окончании техникума не нашла работу по специальности.

Вернулась в село, вышла замуж за простого деревенского парня, но за другого, обзавелась домом, хозяйством, скотиной. Иногда по двору рассекает в галошах, а зимой на работу – в валенках...

А Петя, задетый пренебрежением, наоборот, уехал в город, овладел хорошей профессией (работал мастером на заводе), женился на городской девушке, воспитал двух дочек, теперь уж и внуки есть.

Когда, в очередной раз навещая опустевший родительский дом, мимо моих окон проходит импозантный городской мужчина с солидной сединой на висках и, приветливо кивая, с поклоном здоровается с нашим семейством, я вспоминаю... валенки.

День дурака

В граверную Сашу привел начальник цеха Стас, по отчеству почему-то его никто не называл. Это был молодой человек приятной внешности, с обаятельной улыбкой, немного балагур с украинским говором.

– Знакомьтесь. Саша Барышникова, дочка известного вам диктора телевидения.

Саша немного смутилась. Бориса Барышникова как диктора ТВ она знала (да и было их в то время на сибирском телевидении три – вместе с Целешевой и Батуриной), но дочкой, естественно, его не была. Потом, спустя время, когда ехали на уборку картошки в какой-то пригородный совхоз на открытой грузовой машине по грязной дороге, Саша спросила, почему он так представил ее. Но Стас, расхохотавшись, уже кричал шоферу, стуча по кабине :

– Дави! Я плачу! (На дороге в очередной луже плавало невозмутимое стадо гусей).

Тут же повернулся и серьезно сказал :

– А шоб тебя зарекомендовать.

В этом был весь начальник. Не зря, наверное, по Стасу сходили с ума молодые электро-монтажницы, контролерши и сортировщицы.

Саша окинула взглядом женщин. Каждая из них восседала на круглом вертящемся стуле у своего рабочего агрегата, в то время, как открылась дверь, они, как по команде, развернулись и уставились на новенькую, изучающе рассматривая ее. Позднее Розалия говорила, что только она не поверила очередному розыгрышу Стаса. Но Саша сразу поняла, что поверили все.

– Итак, Ольга Сергеевна Наврос, мастер производственного участка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.